

А зачем вы, черны вороны, очи выклевали мне

Сегодня. - 1994. - 9 нояб. - с. 15.

К. Чуковский. Дневник. 1930—1969. М., «Современный писатель». Составление, подготовка текста, комментариев Е. Ц. Чуковской

Константин Поливанов

К

орней Иванович Чуковский был замечательным детским поэтом, знатоком и тонким ценителем литературы, редактором и издателем множества книг. Неудивительно, что его дневниковые записи содержат точные, острые и часто беспощадные характеристики, наблюдения, оценки. Между тем книга оставляет более чем тягостное впечатление. Как любит повторять один из моих коллег, литературный быт всегда был и остается омерзительным. Есть, однако, и градации.

Мы узнаем, как дружно ненавидели ленинградские писатели «Алешку» Толстого, как допивалась до паралича Лидия Сейфуллина, как крыли друг друга за глаза (а иногда и на газетных страницах) Виктор Шкловский и Юрий Тынянов, как Самуил Маршак старался не взять с собой Чуковского на совещание о детской литературе у Горького, как Николай Вирта требовал от местных властей, чтобы из-под окон его «советско-вельможного особняка» убрали кладбище, на котором был похоронен отец «писателя» — расстрелянный большевиками священник. Все (за редчайшими исключениями) сотрудники всех издательств, с которыми на протяжении десятилетий имеет дело Чуковский, сплошь тупицы и прохвосты.

Все закономерно. Стоит ли удивляться, что в самую бесчеловечную эпоху — эпоху организованного голода и массовых расстрелов, повального доносительства и едва ли не всеобщего забвения элементарных понятий о мужестве, чести и достоинстве — взаимоотношения литераторов друг с другом и с разноранговым начальством приобретают самые уродливые формы. Не в последнюю очередь потому, что литература осознается и управляющими и управляемыми как дело государственное. Писатели устаиваются знаков личного внимания Сталина, стоят на траурных вахтах у партийных гробов, бесконечно совещаются и заседают. Дирижируют литературным бытом секретари ЦК. Номенклатурные чины средней руки перебрасываются с руководства издательства на цензуру, с цензуры — на журнал, вновь возникают на партийно-советских постах, не забывая опекать любимую советскую литературу.

О них многие-многие страницы дневника. Изо дня в день, из года в год ходит Чуковский по

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

МУРОЧКА В ГРОБУ. АЛУПКА. НОЯБРЬ 1931 ГОДА

приемным полулюдей, переписывается с ними, беседует по телефону, добиваясь публикаций и переизданий своих (и не только своих) сочинений. «Крокодил» никак не может вписаться в идеологически выдержанный канон: то нельзя называть бывшую столицу старым именем, то нельзя шутить про город, в название которого включена фамилия основателя советско-партийного государства, то совсем недопустимо чему-либо радоваться в городе, где враги народа убили Кирова. Но Чуковский не устает хлопотать об издании своих сказок, видя в них не только источник личного благосостояния, но и необходимую часть здания детской советской литературы. В 1936 году он полон оптимизма: вот-вот с детской литературой, попавшей под водительство Комсомола и «обаятельного Косарева», все наладится, она наконец послужит детям с «советским чувством достоинства». (Хотелось бы знать, что это такое?) После смерти Сталина, узнав, что собираются печатать Ахматову и Пастернака, Чуковский радостно ждет изданий... «Бибигона» и «Крокодила».

Исследователям долго еще придется разбираться в особенностях «никогда не предназначавшегося для печати» дневника. Что писалось прямо, а что «зеркальным письмом»? Что для себя, а что для возможных читателей из ГПУ-НКВД? Есть случаи явные. После ареста Каменева, с которым Чуковского видели у гроба Кирова, в дневнике на нескольких страницах описывается «двойная душа» этого «убийцы». А вот почему записываются в дневник уничтожающие слова Тынянова о сталинских стихах Пастернака, вопрос совсем не простой.

Хотим того или не хотим, но, знакомясь с дневником Чуковского, мы упираемся и в более общую

проблему. Можно ли издавать и читать как литературу то, что пишется не для печати, пусть даже автором потаенных строк является великий человек? Полуответом смотрятся многочисленные составительские купоры в тексте Чуковского. Контекст, в котором обнаруживаются угловые скобки с отточием, нередко свидетельствует о том, что за кадром остались не только «записи частного характера» о лекарствах и рукописях. Но ведь не купировано так много страшного, болезненного, повергающего в тяжелую тоску? Не получается ли, что об одних литбытовых персонажах можно сказать все, а о других — толковой меньше? Оптимально ли такое решение, конечно, связанное с решением еще более трудным — о публикации вообще?

Первая запись дневника за 1930 год — 14 апреля. Чуковский пишет о смерти поэта, сложившего самую гнусную строку в истории отечественной словесности: «Я люблю смотреть, как умирают дети». Победившая в октябре 1917 года утопия предоставила своим гражданам (и поэтам) возможность десятилетиями смотреть, как умирают дети, умирают от болезни, что в остальном, «капиталистическом» мире считаются излечимыми или просто не существуют. Самые страшные, пронзительные страницы дневника — о долгой и мучительной болезни младшей дочери, о ее смерти. Эта трагедия, вероятно, многое объясняет в открывшемся сегодня Чуковском.

Зная о ней, помня обо всем, что выпало на его долю, мы едва ли имеем право на большую строгость: чего-то не заметил, чего-то не понял и проч. Мы, к счастью, живем без Сталина и Кирова, а публикации свои не должны обсуждать с Семашкой, Горьким и Шербаковым.

ЗАКРОМА

9.11.94.

Чуковский Корней
1976